

**Эпохальные и региональные тренды в эволюции
фольклорно-мифологических сюжетов и образов**

Березкин Юрий Евгеньевич

E-mail: berezkin1@gmail.com

Исследование основано на статистической обработке базы данных фольклора и мифологии мира. Русскоязычный текстовый каталог размещен на сайте <http://www.ruthenia.ru/folklore/> обновление раз в год в декабре. Англо- и русскоязычный каталог онлайн (карты встречаемости и определения мотивов), основанный на корреляционной таблице в формате *.sav, доступен на сайте <http://mapsofmyths.com> (логин: customer, пароль: aether). Сейчас он содержит данные о распространении более 2300 мотивов по почти 1000 традициям мира. Среди мотивов примерно в равной пропорции представлены мотивы-эпизоды, часть которых соответствует сюжетам указателя ATU (Aarne–Thompson–Uther; Uther 2004) или их фрагментам, и мотивы-образы, отражающие представления о мире и человеке (Березкин 2017a; 2017b; Bereskin 2016a; 2016b). Деление мотивов на эпизоды и образы примерно (но не строго) соответствует их делению на категории А (космологическо-этиологические) и Б (приключенческо-трикстерские). Все мотивы могут передаваться как от родителей к детям (по вертикали), так и между людьми, не связанными родством (по горизонтали), что отличает наш материал от данных генетики (наследование только по вертикали). Чем меньше плотность населения и реже межкультурные контакты, тем большую роль играет передача мотивов между родственниками. Чем эта плотность выше и контакты интенсивнее, тем важнее роль культурной диффузии. Соответственно распределение мотивов категории А в целом содержит информацию о более ранних эпохах, чем распределение мотивов категории Б. Различия в распределении мотивов двух категории особенно велики для тех территорий, в фольклоре которых четко прослеживаются жанровые границы между мифологической прозой, различными видами сказки и героическим эпосом. В традициях Нового Света таких границ нет и деление мотивов на категории не столь существенно. В пределах основных категорий мотивы делятся на более дробные тематические группы, касающиеся космогонии, космоимии, причин смертности человека, антропо- и социогенеза, особенностей животного и растительного мира, трикстерских проделок, приключений и др. Статистическая обработка групп мотивов по отдельности и в разных комбинациях выявила различия в их распространении по основным регионам (Африка южнее Сахары, континентальная Евразия, индо-тихоокеанская окраина Евразии, Северная и Южная Америка). Сопоставляя эту картину с тем, что известно о времени заселения регионов современным человеком и о дальнейших процессах культурогенеза, можно реконструировать время и территории преимущественного формирования сюжетно-мотивных комплексов. Объяснения смертности человека и, вероятно, обретения огня должны были появиться в Африке до начала расселения оттуда сапиенсов, т.е. не менее 50-70 тыс. л.н. Яркие эксклюзивные параллели связывают Африку южнее Сахары, неарийскую Индию, Юго-Восточную и отчасти Восточную Азию, Австралию, Меланезию, Южную и Центральную Америку. Мотивы, отражающие представления об антропо- и социогенезе, человеческой анатомии, описывающие конфликтные ситуации в общине предков, «странные браки», возникли в пределах индо-тихоокеанской окраины Азии до начала заселения Нового Света, т.е. не менее 20 тыс. л.н. Они исключительно популярны в пределах циркумтихоокеанского региона, но плохо представлены в Африке и в континентальной Евразии. Мотивы, отражающие представления о земле и небе, главных светилах, годичном цикле, об отдельных особенностях животного мира получили развитие на юге Евразии. Некоторые проникли затем на север Евразии и далее в Новый Свет (в основном лишь в Северную Америку).

Скорее всего этот процесс начался 17-18 тыс. л.н. в ходе постепенного смещения населения с юга на север после прохождения пика последнего оледенения. Весьма вероятно, что к этому времени на севере Евразии сформировалась и собственная космология, однако выделить мотивы, распространенные в бореальной зоне Северного полушария ранее поздних этапов заселения Нового Света (и тем более до ледникового максимума), невозможно. Для Европы вряд ли осуществима даже реконструкция представлений эпохи раннего голоцена. Мотивы, отражающие представления о звездах, созвездиях и лунных пятнах, в бореальной зоне максимально разнообразны и соответствуют двум сферам обмена информации – сибирско-североамериканской и европейской. Большинство сибирских космономических мотивов известны на севере и западе Северной Америки, но не далее на юг, что указывает на их наличие в Сибири в финальном плейстоцене (12-14 тыс. л.н.). Европейская космономия в основном отражает реалии в лучшем случае Бронзового века, а в основном еще более поздние вплоть до Средневековья. Космономия Африки южнее Сахары бедна и во многом представлена заимствованиями из Азии. Несмотря на тот же тип земледелия, что и в Юго-Восточной Азии, Меланезии и Южной Америке (вегетативно-клубнеплодное с развитой арборикультурой при наличии зерновых), мифы о происхождении культурных видов (и особенностей растений вообще) в тропической Африке почти отсутствуют, а в циркумтихоокеанском регионе обильны и очень похожи. Будучи первоначально связаны с дикорастущими видами, они, вероятно, возникли в палеолите Азии. Распределение приключенческих и трикстерских мотивов в Старом Свете отражает гораздо более поздние процессы, связанные как с перемещением людей, так и с обменом информацией в пределах больших территорий. В I тыс. н.э. Кавказ (со Средней Азией и Поволжьем), бывшие ранее частью «большой Европы», оказались в сфере влияния Центральной Азии. Обилие и разнообразие приключенческо-трикстерских мотивов в Европе (вместе с Кавказом и Средиземноморьем) выше, чем в других регионах мира, что в частности объяснимо массовыми заимствованиями из двух важнейших азиатских центров формирования фольклорных сюжетов – Центральной Азии и Передней Азии. В Южной Азии и Китае разнообразие ниже. Индийская гипотеза происхождения европейской сказки подтверждений не находит. Статистическая обработка данных, касающихся ареального распространения повествовательных эпизодов и мифо-поэтических образов, отраженных в десятках тысячах нарративов, свидетельствует в пользу вариативности эволюции, наличия некоторых общих закономерностей, но не законов развития. Распространение определенных тематических комплексов на тех или иных территориях после выхода из Африки выглядит исторически случайным и не обусловлено зависимостью от природных и хозяйственных факторов. Различия в наборах мотивов между индо-тихоокеанским миром, континентальной Евразией и тропической Африкой, а также ареальное распространение определенных сюжетно-мотивных комплексов в евразийском и африканском сказочном фольклоре отражают прежде всего конфигурацию сфер обмена информацией между людьми. При ином расположении материков не только фольклор, но, скорее всего, и другие аспекты культуры развивались бы иначе. Вообразить результаты такого развития невозможно. Чтобы понять, «что случилось в истории», необходимо изучение конкретных событий и процессов, конечные причины которых определить с достаточной вероятностью не всегда возможно.

Березкин Ю.Е. Рождение звездного неба. Представления о ночных светилах в исторической динамике. СПб: МАЭ РАН, 2017а. Березкин Ю.Е. «Трудные задачи»: типология, ареальная приуроченность и оценка древности образов // Живая Старина. 2017б. № 2(94). С. 5-9. Berezkin Yu.E. Peopling of the New World in light of the data on distribution of folklore motifs // Maths Meets Myths: Quantitative Approaches to Ancient Narratives (Understanding Complex Systems). Ralph Kenna, Máirín Mac Carron, and Pádraig Mac Carron eds. Springer Verlag, 2016a. P. 71-89. Berezkin Yu.E. Stratigraphy of cultural interaction in Eurasia based

on computing of folklore motifs // Trames. 2016b. Vol. 20. No. 3. P. 217-227. Uther H.-J. The Types of International Folktales. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 2004.